

Вскоре Ши Цзинь пожалел, что заключил пари с Лянь Цзюнем.

— Это невозможно, как я мог проиграть?! Я же четко просчитал все костяшки! — в отчаянии Ши Цзинь ударил кулаком по воздуху, скривив лицо.

Сяо Сы принялся его утешать: <Даже гроссмейстеры иногда проигрывают, это совершенно нормально.>

Ши Цзинь уныло вздохнул.

— Но теперь я не могу попросить Цзюнь-шао помочь мне с расследованием о матерях моих братьев.

<Ты можешь просто попросить его об этом. Не похоже, чтобы Милый стал тебе отказывать,> — невинно отозвалась система.

— Тогда я останусь у него в долгу. И я лишусь всякого морального права, когда буду заставлять его пить суп! — мысли Ши Цзиня уходили глубоко в перспективу.

Система на мгновение умолкла, а затем пробормотала: <Морального права? Ранее ты совершил такой колоссальный промах, и еще смеешь рассуждать о какой-то там правоте...>

— Я не совсем расслышал. Не мог бы ты повторить то, что только что сказал? — в голосе Ши Цзиня зазвучали угрожающие нотки.

Сяо Сы мигом проглотил свои слова и с энтузиазмом предложил: <Ты можешь попросить Милого сыграть с тобой еще раз. Один раз ты проиграл, но в следующий раз обязательно выиграешь! Не сдавайся, Цзинь-Цзинь! Я верю в тебя!>

Ши Цзинь подумал, что в этом есть смысл, и огонь в его груди вспыхнул с новой силой.

— Да, с моими-то навыками проигрыш — это просто нелепая случайность! В следующий раз я точно одержу победу! — он схватил планшет и рванул через весь фургон.

Спустя десять минут он вернулся на свое место и тяжело плюхнулся на сиденье, издав горестный вздох.

— Система раздачи явно настроена против меня: Лянь Цзюню выпадают все лучшие костяшки, а мне — один мусор. И теперь мне придется каждый год печь ему торт на день рождения... Да, кстати, а когда у него день рождения?

Сяо Сы оттарабанил: <В конце марта. Милый родился вместе с приходом весны.>

Застигнутый врасплох, Ши Цзинь взглянул на календарь в телефоне и обнаружил, что день рождения Лянь Цзюня уже не за горами. В этом году Лунный Новый год наступил позже обычного. Сейчас был уже конец февраля; до весны оставалось меньше месяца.

Система продолжала щебетать: <Так что тебе нужно прямо сейчас начать учиться печь торты, Цзинь-Цзинь. Если возьмешься за дело немедленно, ко дню рождения Милого твой торт будет выглядеть как подобает.>

Чем дольше Ши Цзинь слушал, тем сильнее становились его подозрения. Ему показалось, что тон Сяо Сы был слишком уж жизнерадостным и предвкушающим, словно он заранее знал, что всё так обернется. Нахмурившись, юноша вспомнил обе партии, а затем подумал о ставках,

которые предложил Сяо Сы.

— Сяо Сы, это ведь был ты, верно? — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Это ты взломал приложение и подстроил так, чтобы мне выпадали плохие костяшки!

Сяо Сы в испуге подскочил и заикаясь произнес: <Н-нет, это не так! Как я мог такое сделать? Это было бы уже слишком. Очевидно, всё потому, что Цзинь-Цзинь гнездо курс на сальный, такой горячий и любящий, маленькое гнездо Милый сальный.>

От всех этих «гнезд» и «сальных» у Ши Цзиня по спине побежали мурашки. Теперь он был абсолютно уверен, что это проделки Сяо Сы, и с негодованием выпалил:

— Лянь Цзюнь — твой Милый, поэтому ты заботишься только о нем, да?! Он для тебя родной сын, а я — пасынок!

<Неправда! Я этого не делал!> — истошно завопила система.

— Чушь собачья! — Ши Цзинь едва не ударил кулаком по столу.

Остальные пассажиры фургона наблюдали за Ши Цзинем, который дулся в углу, сверля свой планшет таким свирепым взглядом, словно готов был сожрать его живьем. Судя по всему, он винил именно устройство в своем проигрыше.

Гуа Второй не мог больше на это смотреть. С выражением лица, не поддающимся описанию, он произнес:

— Он ведь ранил плечо, а не голову, так? Почему тогда он выглядит еще глупее, чем раньше?

Гуа Третий и Гуа Пятый тоже больше не могли этого выносить. С таким видом, будто хотели что-то сказать, но прикусили языки, они то и дело бросали на Лянь Цзюня тайные взгляды.

Лянь Цзюнь в этот момент обсуждал дела с Гуа Первым, но, заметив, что всеобщее внимание приковано к нему, искоса взглянул на Ши Цзиня. Постучав пальцами по подлокотнику кресла, он подъехал к юноше. Вытащив планшет из рук подростка, он сказал:

— Давай сыграем еще раз. Если выиграю я, ты возобновишь учебу. Если проиграю — обещаю выполнить твою просьбу.

Ши Цзинь тут же прекратил ребяческую перепалку с Сяо Сы, и его глаза загорелись, но тут же он нахмурился.

— Учебу? Какую учебу?

Лянь Цзюнь уже открыл приложение для маджонга.

— Школьную программу для старшеклассников.

— Школьную программу? — в конец запутался Ши Цзинь.

Какую еще школьную программу? Он окончил университет уже много лет назад. С какой стати ему братья за школьные учебники?

Сяо Сы мысленно напомнил ему: <Оригинальному «Ши Цзиню» всего восемнадцать. Когда ты переселился, «он» еще не окончил старшую школу. Затем ты сбежал и, как следствие, бросил

учебу. Так что прямо сейчас ты не более чем выпускник средней школы.>

Ши Цзинь: «...»

Система провернула нож в ране: <У всех остальных рядом с Милым есть как минимум степень бакалавра. А у Гуа Девятого, как у самого образованного, и вовсе две докторские.>

Ши Цзинь: «...» Твою ж мать, зачем мафиози вообще нужны университетские дипломы?!

— Не хочешь? — Лянь Цзюнь не собирался тратить время на пустую болтовню. Он положил планшет перед ним и подчеркнул: — У тебя только один шанс.

Сердце Ши Цзиня забилось чаще: выбор был не из легких. Наконец, стиснув зубы, он кивнул:

— Хорошо!

На этот раз Сяо Сы было категорически запрещено помогать Лянь Цзюню выигрывать. Юноша не верил, что сможет проиграть теперь, когда его собственная система перестанет жульничать!

Однако реальность безжалостно доказала его неправоту: система раздачи костяшек продолжала целенаправленно его топить.

Опустошенный, Ши Цзинь без сил откинулся на сиденье. Ему безумно хотелось удалить к чертям это проклятое приложение.

Гуа Второй, наблюдавшей за этим представлением, не смог сдержать громкого смеха. Осмелиться играть в азартные игры с Цзюнь-шао? Ши Цзинь и впрямь сам напросился.

— Раз уж ты продолжишь учебу, я могу сделать для тебя кое-что, — Лянь Цзюнь положил планшет обратно на стол и спросил: — Что именно ты хочешь, чтобы я помог тебе проверить?

Ши Цзинь резко выпрямился и уставился на него, подозревая, что ослышался.

Лянь Цзюнь подпер подбородок рукой и наблюдал за глупым выражением лица Ши Цзиня. Черты его лица слегка смягчились. Мягким тоном он повторил вопрос:

— Ши Цзинь, с чем ты хочешь, чтобы я тебе помог?

Солнце светило прямо в окно. Прекрасный мужчина, залитый солнечным светом, слегка склонил голову и улыбался.

Ши Цзинь был ошеломлен этим ленивым, расслабленным видом Лянь Цзюня, и ему потребовалось мгновение, чтобы прийти в себя. Затем он бросился вперед, ухватился за ноги мужчины и взволнованно закричал:

— Пожалуйста, помоги мне проверить, как обстоят дела у матерей моих братьев и их семей. И чем подробнее, тем лучше! Цзюнь-шао, ты просто потрясающий человек!

От этого рывка Ши Цзиня Лянь Цзюнь отшатнулся назад. Его брови слегка поползли вверх. Уперев ладонь в лоб подростка, он твердо отстранил его от себя, а затем отъехал на кресле обратно к Гуа Первому.

Ши Цзинь рухнул на свое место и откинулся на спинку.

— Цзюнь-шао и вправду хороший человек... — счастливо пробормотал он.

Сяо Сы с нежностью прикоснулся к его эмоционально отсталому мозгу, а затем, не дожидаясь просьбы, загрузил в его память школьные учебники. <Вот, тебе стоит на них взглянуть.>

Ши Цзинь: «...» Внезапно мне захотелось плакать.

По возвращении в город Б., Лянь Цзюнь потратил два дня на совместную работу с властями, чтобы разобраться с остатками «Черной розы» и их главной базой. Затем он приложил колоссальные усилия для подавления большей части всё еще функционирующего бизнеса «Черной розы», в результате чего официальные лица подключились к процессу и развернули полномасштабную кампанию по ее полному уничтожению.

Озадаченный Ши Цзинь поймал Гуа Второго и спросил:

— Разве Цзюнь-шао не говорил, что сейчас не время расправляться с «Черной розой»? Он же сказал, что на этот раз просто преподаст им урок. С чего вдруг он предпринял против них такие радикальные меры?

Гуа Второй бросил на него странный взгляд:

— А ты разве не знаешь?

Ши Цзинь покачал головой и нахмурился:

— Никто из вас ничего не говорил, откуда мне было знать?

— Значит, тебе и не нужно этого знать. — Гуа Второй развернулся, намереваясь уйти.

Ши Цзинь потянул его обратно, угрожающе сверкая глазами.

Гуа Второй возвел глаза к небесам и тяжело вздохнул.

— Всё потому, что на этот раз «Черная роза» зашла слишком далеко и разозлила Цзюнь-шао, — объяснил он. — Их глупость дала ему отличный повод зачистить их. В канун Нового года прямо за пределами жилого района произошла перестрелка. Как думаешь, какие обвинения власти могут им предъявить?

— Эм, организация массовых беспорядков? Угроза общественной безопасности? — Ши Цзинь немного подумал, но ничего другого ему в голову не пришло.

Гуа Второй с многозначительным выражением лица покачал головой, а затем похлопал подростка по плечу.

— Молодой человек, вам стоит почаще смотреть новости. Организации масштаба «Черной розы» легализованы; ни одно из двух названных тобой преступлений не дало бы правительству веских оснований для расправы с ними.

Сказав это, он воспользовался задумчивостью Ши Цзиня и дал деру.

Ши Цзинь был сбит с толку. Если причина крылась не в этом, тогда в чем же?

Терзаемый сомнениями, он несколько дней не отрывался от выпусков новостей. И вот, наконец, увидев официальный новостной репортаж, он всё понял: правительство

квалифицировало перестрелку перед жилым комплексом «Единство» как террористический акт, организованный «Черной розой».

Разница в уровне угрозы между массовыми беспорядками и терактом была как между небом и землей. В душе Ши Цзинь молча зажег поминальную свечу по «Черной розе»: теперь, когда масштаб инцидента достиг такого уровня, им ни за что было не выпутаться.

В мгновение ока пролетело еще несколько дней, и рана Ши Цзиня окончательно зажила. Он нашел время заглянуть в лазарет, чтобы поболтать с дядей Луном. А после ужина в тот же день, прихватив кучу заранее подготовленных вещей, он направился в кабинет Лянь Цзюня.

Лянь Цзюнь поднял на него глаза.

— Что это такое?

— Принадлежности для твоего массажа. — Ши Цзинь сложил свою ношу на стол и сел напротив. Он посмотрел на Лянь Цзюня, затем на документы в его руке, а потом перевел взгляд на настенные часы. Намек был более чем прозрачен.

Лянь Цзюнь вернулся к чтению документа и спросил:

— Как твоя рана?

— Дядя Лун сказал, что всё в полном порядке. Теперь я могу двигать рукой, не боясь, что рана разойдется, — ответил Ши Цзинь, в подтверждение своих слов подняв руку.

Лянь Цзюнь даже не поднял головы.

— Тогда возвращайся в свою комнату и собирай вещи, мы скоро отправляемся на остров. Зимнюю одежду не бери, там тепло — ничего плотнее легкой куртки тебе не понадобится.

Удивленный Ши Цзинь спросил:

— Мы уезжаем прямо сейчас? Разве ты еще не закончил с «Черной розой»?

Хоть Гуа Второй и частенько поговаривал, что после Нового года они отправятся на остров ловить крабов, с момента их возвращения в город Б. все были по уши в делах «Черной розы». Юноша полагал, что они задержатся здесь надолго.

— Теперь это дело правительства, мы и так оказали достаточную помощь, — Лянь Цзюнь поставил подпись на документе. Бросив взгляд на разложенные на столе предметы, он добавил: — Массаж подождет до нашего прибытия на остров.

Ши Цзинь был огорчен. По правде говоря, он уже давно хотел проверить состояние ног Лянь Цзюня — он слышал, что у людей, лишенных возможности ходить, мышцы постепенно атрофируются, и это его слегка беспокоило.

Это было его упущением: он следил лишь за привычками Лянь Цзюня в еде и совсем забыл, что о ногах тоже нужно заботиться. Если бы в тот день он не увидел, как Лянь Цзюнь встал на кладбище, он бы до сих пор об этом не задумался.

— До острова еще добираться и добираться. Не хочешь для начала хотя бы попробовать? Смотри, я всё принес... — не желая сдаваться, Ши Цзинь указал на массажные принадлежности на столе.

Лянь Цзюнь сосредоточенно изучал документы, ответив молчаливым отказом.

Ши Цзинь украдкой придвинул свой стул поближе к нему.

Лянь Цзюнь внезапно отложил папку и посмотрел на него.

— Как продвигается учеба?

— Эм... — Ши Цзинь оцепенел.

— Обещания нужно выполнять. — Лянь Цзюнь подъехал на коляске к книжному шкафу и достал с нижней полки стопку учебников. — Раньше ты учился в стране М. Их образовательная программа отличается от китайской, поэтому поначалу тебе может быть сложно адаптироваться. Подойди сюда, я тебе объясню.

Ши Цзинь покосился на учебник в руках мужчины, и его сердце ушло в пятки. Он неловко попытался отказаться:

— В этом... эм, в этом нет необходимости. Разве ты не занят? Я же вижу, что занят, не буду тебе мешать...

Лянь Цзюнь коснулся пульта на столе и запер дверь кабинета.

Услышав щелчок замка, Ши Цзинь, уже наполовину вставший со стула, замер. Он бросил взгляд на Лянь Цзюня, который уже перебрался к чайному столику. Обреченно опустив плечи, юноша сел рядом с ним.

Лянь Цзюнь налил ему чашку теплой воды, вручил ручку с тетрадью и открыл учебник.

Сеанс массажа обернулся проверкой знаний. Для Ши Цзиня эта участь была страшнее смерти: всё это время он сидел с окаменевшим лицом, мечтая найти какую-нибудь дыру и спрятаться в ней. С момента окончания школы прошли годы, и он забыл почти всё. На данный момент «я не знаю» было его ответом практически на каждый вопрос.

Спустя два долгих, мучительных часа Лянь Цзюнь отложил учебник и молча посмотрел на Ши Цзиня.

Ши Цзинь опустил голову и рассеянно принялся чертить какие-то каракули в тетради, не решаясь поднять взгляд.

— Как только прибудем на остров, я найму тебе нескольких репетиторов, — произнес Лянь Цзюнь. Его тон был на удивление мягким, словно у родителя, который не решается отчитать нерадивого в учебе ребенка из страха разрушить его уверенность в себе. — У тебя есть способности к языкам и прочная база, а по предметам, в которых ты слаб, сможешь подтянуться.

Ши Цзиня это ничуть не утешило. Он безжизненным взглядом посмотрел на мужчину и спросил:

— Цзюнь-шао, ты хочешь отправить меня в университет?

Лянь Цзюнь не ответил, вместо этого задав встречный вопрос:

— А ты хочешь поступить в университет?

— Не хочу, — быстро и решительно ответил Ши Цзинь. Он уже однажды получил диплом, второй раз был абсолютно ни к чему. Сейчас его главной заботой было сохранение собственной жизни, и учеба в университете в его планы не входила от слова «совсем».

— Почему нет?

Ши Цзинь ответил честно:

— Во-первых, потому что я не люблю учиться. Во-вторых, сейчас неподходящее время. Прямо сейчас все трудятся ради светлого будущего, и я не хочу отсиживаться в стороне. Цзюнь-шао, если тебе так претит недостаток у меня образования, я поступлю в университет позже, когда уляжется пыль. Я никуда не тороплюсь.

— Дело не в том, что мне претит твое необразованность. — Голос Лянь Цзюня оставался мягким и спокойным. — Я просто боюсь, что позже ты пожалеешь об этом. Ши Цзинь, чтобы выжить в этом мире, требуется множество знаний и навыков, а эти базовые знания — фундамент для них всех. Сейчас ты думаешь, что если не выучишь это, ничего страшного не случится, но в будущем твое мнение может измениться. Я не стану заставлять тебя идти по пути обычных людей, но ты должен усвоить одну вещь: уважают только сильных. Сила бывает разной: боевая мощь, знания и деньги. Проще всего тебе будет обрести первые две; а когда они у тебя появятся, особенно знания, заполнить третью станет куда легче.

Ши Цзинь никак не ожидал, что Лянь Цзюнь выльет на него такую щедрую порцию «куриного бульона для души», да еще и с такой искренностью. Вытаращив глаза, он уставился на собеседника, и его мысли невольно последовали за картиной, нарисованной этими словами.

А ведь слова Лянь Цзюня были не лишены смысла. Если он станет таким же могущественным, как Лянь Цзюнь, осмелится ли тот неизвестный убийца доставлять ему неприятности? Этот человек трижды подумает, а стоит ли игра свеч. Взгляните хотя бы на участь «Черной розы» после того, как они взбесили Лянь Цзюня — разве важность силы не была очевидной?

Стоило ему прильнуть к Лянь Цзюню как к своему покровителю, и его полоса прогресса тут же значительно сократилась. Если он сам обретет силу, равную силе Лянь Цзюня, кто рискнет его провоцировать? Неужели тогда полоса не поползет вниз сама собой?

Ши Вэйчун? Ли Цзючжэн? Окажись у него такая же власть, как у Лянь Цзюня, пришлось бы ему вообще брать их в расчет? Смогли бы они хоть как-то ему навредить? Разве Лянь Цзюнь когда-нибудь боялся его братьев? Ни разу.

Воодушевление Ши Цзиня росло, и в груди крепла уверенность. Должно быть, у него просто отшибло мозги: он постоянно заикливался на внешнем влиянии смертельных факторов, забывая о том, что он сам был важнейшим фактором, влияющим на полосу прогресса. Окрыленный этой мыслью, он не сдержался, схватил Лянь Цзюня за руку и с жаром выпалил:

— Цзюнь-шао, я всё понял, ты абсолютно прав. Я буду усердно трудиться и сделаю всё возможное, чтобы стать таким же могущественным человеком, как ты!

Лянь Цзюнь: «...»

Хлоп!

Ши Цзиня выставили из кабинета. Мало того, перед тем как вышвырнуть его за дверь, Лянь Цзюнь одарил его взглядом, полным глубокого отвращения.

— Какого черта, с чего он вдруг так взбесился? Разве я не прислушался к нему и не решил усердно учиться?! — Ши Цзинь пребывал в полном недоумении.

Сяо Сы тяжело вздохнул. И тихо произнес: <Цзинь-Цзинь, я начинаю задумываться, не оставил ли я где-то часть твоего IQ, когда помогал тебе с переселением...> А также огромную долю EQ.

Брови Ши Цзиня сошлись на переносице. Мгновение спустя он вспыхнул:

— Сяо Сы, не кажется ли тебе, что в последнее время ты слишком часто, пусть и завуалированно, называешь меня идиотом? Ты переходишь все границы!

Сяо Сы тут же заткнулся и притворился мертвым, имитируя системный сбой и перезагрузку.

Вечером Праздника фонарей, в последний день празднования Лунного Нового года, люди в «Ночном свете» наконец-то выкроили время для передышки, чтобы собраться вместе и насладиться праздничным ужином, задержавшимся на целых пятнадцать дней.

Ши Цзинь собственноручно приготовил пельмени, обжаренные во фритюре спринг-роллы и танъюань. В честь наступления нового года он даже испек несколько несуразных на вид яичных кексов.

Гуа Второй безжалостно высмеял никудышные кулинарные навыки Ши Цзиня. Тот в гневе задохнулся жареный спринг-ролл ему прямо в рот, а затем поставил самую лучшую пиалу с танъюань перед Лянь Цзюнем. А еще тайком подсунул ему пакетик с яичными кексами.

— Спрячь их, эта партия удалась. Гуа Второй — та еще задница: говорит, что моя стряпня отвратительна, но при этом продолжает таскать куски, хотя кухня прислала целую кучу деликатесов. У него совершенно нет совести, — ворчал Ши Цзинь, скорчив гримасу. — В следующий раз я подсыплю ему в еду слабительное!

Лянь Цзюнь дотронулся до мягких яичных кексов в пакетике и обнаружил, что они всё еще теплые. Он бросил взгляд на Ши Цзиня:

— С чего это ты вдруг увлекся выпечкой?

Ши Цзинь туманно ответил:

— Ты занят, а мне скучно... О, но я добросовестно учусь! Я занимаюсь этим только в свободное время!

Уголки губ Лянь Цзюня дрогнули, поползнув вверх. Опустив взгляд, он отщипнул кусочек яичного кекса, положил в рот и вдумчиво распробовал. Проглотив, он кивнул:

— Неплохо.

Ши Цзинь удовлетворенно улыбнулся. Ему казалось, что он стал образцовым «родителем» — чтобы заставить своего привередливого «ребенка» съесть хоть на пару кусочков больше, он даже взялся за кулинарию.

Сяо Сы, сопровождавший этот его мыслительный процесс: <...>

Праздничный ужин в честь воссоединения наконец завершился в девять часов вечера. Ши Цзинь хотел было вытащить несколько столов для маджонга и веселиться всю ночь напролет, но был вынужден отказаться от этой затеи — на следующий день им предстоял перелет.

Пожелав всем спокойной ночи и проводив Лянь Цзюня до его комнаты, он вернулся к себе, чтобы умыться и пораньше лечь спать.

Он как раз рылся в шкафу в поисках пижамы, когда зазвонил телефон. Ши Цзинь достал его, чтобы взглянуть на экран. Обнаружив, что звонит Сян Аотин, он почувствовал, как его радостный настрой немного угас. Поколебавшись мгновение, он всё же ответил на звонок.

— Сяо Цзинь. — Голос Сян Аотина звучал устало. — Я слышал, ты скоро уезжаешь из города Б. Я жду перед зданием «Ночного света». Можешь выйти ко мне? Мне нужно кое-что тебе сказать.

Ши Цзинь бросил взгляд на часы. Вспомнив поступки Сян Аотина в оригинальном романе, он вздохнул. Ему следовало с ним встретиться.

В романе Сян Аотин был единственным братом, чье отношение к оригинальному «Ши Цзиню» оставалось неизменным. До смерти Ши Синжуя он был так занят, что у него почти не оставалось времени на общение с «ним», и обычно он не делал «ему» подарков — ограничивался лишь регулярными телефонными звонками. Содержание этих бесед всегда было примерно одинаковым: деревянным голосом, словно отрабатывая повинность, он спрашивал о здоровье и успехах в учебе, а затем наставлял вести себя примерно. После смерти Ши Синжуя Сян Аотин оставался таким же занятым и продолжал звонить, и эти разговоры по-прежнему не несли в себе никакого глубокого смысла. В то время оригинальный «Ши Цзинь» уже смутно подозревал неладное, но считал это лишь очередной формой скрытой издевки.

А затем произошло похищение, и чувства «Ши Цзиня» к этому брату стали довольно противоречивыми. Сян Аотин спас «его», но сразу после этого ушел, не проявив ни малейшей заботы.

К моменту «своей» смерти оригинальный «Ши Цзинь» всё еще испытывал к Сян Аотину смешанные чувства: «он» не питал к нему той же всепоглощающей обиды и ненависти, что к остальным братьям.

Ши Цзинь, глядя на ситуацию со стороны, вынужден был признать, что оригинальный «Ши Цзинь» не ошибался. Из всех пятерых братьев, пожалуй, лишь забота Сян Аотина была искренней, хотя и весьма незначительной.

Сян Аотин был человеком поистине честным и прямым. Пусть его и раздражал избалованный характер «Ши Цзиня», а мотивы его опеки не всегда были кристально чисты, он всё же относился к «нему» как к младшему брату. И в какие-то моменты его беспокойство определенно было настоящим.

Значит, нужно встретиться.

Ши Цзинь бросил пижаму и накинул куртку.

Ему следовало изучить всё более детально: и чувства оригинального «Ши Цзиня» к своему третьему брату, и то, как Сян Аотин спас «его» от похитителей.